

РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ АРХЕТИП И ПРАВОСЛАВИЕ

И.А. Грищенко

*Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого, Республика Беларусь*

Задолго до западно-европейского психоанализа и формирования концепции культурных архетипов К. Юнгом, в рамках русской религиозной философии укрепляется мысль о том, что национальная идея шире и масштабнее того смысла, который вкладывают в нее ее носители. В. Соловьев эту мысль ввел в известный афоризм: «Национальная идея это то, что Бог понимает о нации». Действительно, следует различать такие понятия как культурный архетип, менталитет и национальный характер. Культурный архетип выступает как бессознательная форма восприятия фундаментальных структур общественной жизни. Культурные архетипы, таким образом, складываются вне сознания и носят устойчивый характер. Менталитет является собой способ выражения знаний о мире и человеке и выступает способом мышления личности и общественной группы. Мировосприятие менталитета формируется в зависимости от традиций, культуры, иначе говоря, культурный архетип предшествует и серьезно влияет на ментальность того или иного народа. Национальный характер чаще всего определяется сочетанием генотипа и культуры. Непосредственному наблюдению и осознанию, как видно, не подчиняются только культурные архетипы, которые К. Юнг относит к сфере коллективного бессознательного, но культурные архетипы можно изучать опосредованно, главным образом через постижение символической основы, где немаловажную, если не ведущую, роль играют символы веры.

Большое влияние на формирование русского культурного архетипа оказало принятие в X веке христианства в православной форме. Длительное господство атеистического мировоззрения, а так же до сих пор не преодоленный секулярный подход к истории, событиям деформировал значимость христианизации Руси, сводя этот процесс к объективным социально-экономическим, политическим условиям. А между тем принятие той или иной религии в качестве государственной и национальной невозможно без внутренней подготовки самого народа, без созвучия основных догматических положений с психологической установкой и народным духом. Так, легенда, повествующая о выборе князем Владимиром христианства византийского образца в качестве государственной религии, представляет красоту православного богослужения как один из доводов в пользу данного выбора. Если учесть сравнительную молодость славянского этноса, сохранившуюся до сих пор склонность к оптимистичному праздничному настроению в православии, то довод в пользу красоты не кажется столь натянутым.

Христианство, найдя отклики в славянской душе, существенно повлияло на ментальность русского народа. В восточно-христианской культуре значимость земной жизни определяется жизнью вечной после смерти, поэтому все суетное меркло перед вечным блаженством, земные блага признавались ничтожными, а труд воспринимался как дисциплинарный метод.

В борьбе за чистоту веры с католичеством православие укрепило мессианское сознание, позволяющее говорить о богоносном народе, охраняющем веру от ложных учений лукавствующего разума.

С православием связывают обычно и укрепившуюся идею соборности, под которой подразумевают не простое единение верующих, а творческое их участие в жизни церкви и мира. Спасение индивидуальным быть не может, мера ответственности за согрешившего брата такова, что делает возможным живейшее участие в его судьбе.

В православии так же сильно выражена эсхатологическая сторона христианства, которая проявляет себя и в поиске смысла жизни отдельной личности, и в определении смысла истории. И то и другое делает особенно актуальной проблему добра и зла. Русская философия, русская классическая литература не в пример Западной Европе были озабочены этическими проблемами, подчиняя их решению онтологию, гносеологию, эстетику.

Признавая святость высшей ценностью, русский человек стремится к воплощению на земле абсолютного добра и, очевидно, поэтому никогда не довольствуется малым. Красота абсолюта во многом культивировала максимализм русского национального характера. В различные периоды истории эта черта характера давала о себе знать и как сила созидаящая, укрепляющая веру в высшие идеалы, и как сила разрушающая, поскольку невозможность воплощения абсолюта в мире относительных ценностей приводила к крайней этической нетерпимости, доходившей до бунта. Устремленность в будущее сочетается у русского человека с неистребимой верой в возможность сведения небес на землю. Поэтому становится понятным тот парадокс, что даже нигилизм, марксистствующий прагматизм на русской почве приобрел черты религиозной одержимости, печально подтвердив библейскую истину о подмене Бога идолами. Ф.М. Достоевский, отмечая положительный и отрицательный полюсы русского мышления, считал русский случай, в этой связи, самым сложным, ибо «очень трудно создавать культуру апокалиптически и нигилистически» [1, с. 64]. По сему не удивительно, что социализм в России стал не только и не столько вопросом социальным, а по преимуществу вопросом атеистическим, или, как выразил это образно Достоевский в «Братьях Карамазовых», это был «вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю». Достоевскому вторит и Л. Шестов, характеризуя личность русского нигилиста и революционера: «У нас читали Дарвина и лягушек резали те люди, которые ждали Мессии, второго пришествия...» [2, с. 103]. Но следует оговориться, что если вечный поиск идеала и создает благоприятную основу для возникновения различного рода социальных утопий и мифов, то только в случае подмены ценностей высшего порядка, нарушения иерархии духовного строя личности. Сердцевину любой культуры составляет именно религиозность, игнорирование этого факта приводит к подобным подменам. Секуляризация русской культуры и русской социальной жизни происходила на почве разлада между интеллигенцией и народом. Многие из того, что образованным сословием презиралось в простом народе и трактовалось как суеверие «есть не тьма, а именно свет, не тупость, а именно ум» [4, с. 59]. В этой связи совершенно необоснованным и даже вульгарным представляется мнение о существовании секулярного гуманизма и христианского коммунизма. Русская история и русская культура только подтвердили мнение И.С. Аксакова о том, что «гуманность, отрицающая Бога, логически переходит к бесчеловечию; прогресс без Христа – к регресу; свобода, где нет духа Божия, – к деспотизму и тирании; что без личного самоусовершенствования в духе христианской любви невозможно, в конце концов, истинное разрешение социальных и гражданских задач» [4, с. 61].

Говоря о русской идентичности не следует однако отождествлять ее с православием. Русский культурный архетип оформился во многом благодаря православию, но русское христианство не является полнотой христианства всего мира. Русский народ может внести свою лепту в развитие и углубление идей, заложенных христианским учением, но и русские должны учиться у других народов, поскольку те знают нечто «благодаря тому, что они на нас не похожи» [3, с. 62]. Но так или иначе это взаимное ученичество должно быть пропитано христианским чувством уважения и любви к человеческой личности, что приобретает особую актуальность в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции. //Из глубины: Сб. статей о русской революции. - М., 1990.
2. Ерофеев В. Остается одно: произвол. //Ерофеев В. В лабиринте проклятых вопросов. - М., 1996.
3. Митрополит Сурожский Антоний. Христианство сегодня //Митрополит Сурожский Антоний. О встрече. - Клин, 2000. См. Звезда. - 1991. - № 1.
4. Протоирей Философ Орнатский. О православии русского народа //Ф.М. Достоевский и Православие. - М., 1997.